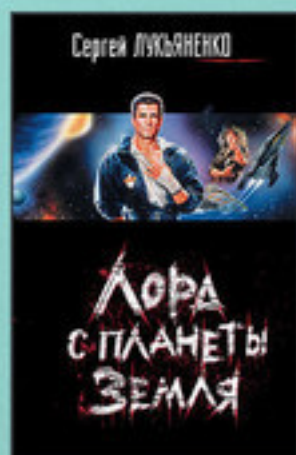

Сергей Лукьяненко

Стеклянное море

*Часть сборника
Лорд с планеты Земля (сборник)*

Лорд с планеты Земля

Сергей Лукьяненко

Стеклянное море

«АСТ»

1996

Лукьяненко С. В.

Стеклянное море / С. В. Лукьяненко — «АСТ», 1996 — (Лорд с планеты Земля)

Третья книга лучшей российской «космической оперы»! Увлекательная история землянина, заброшенного в глубины космоса и возглавившего галактическую войну! История, в которой есть место для всего, что только может быть создано фантазией в свободном полете, — бластеров и звездолетов, странных союзников и необыкновенных врагов, вампиров, что не прячут своих клыков, и атомарных мечей, что острее косы самой Смерти... «Стеклянное море» – это достойное продолжение романов «Принцесса стоит смерти» и «Планета, которой нет»!

© Лукьяненко С. В., 1996

© АСТ, 1996

Содержание

Часть первая	5
1. На берегу Сухой реки	5
2. Возвращение	11
3. Завтрак на поляне	16
4. Гостиница для шпиона	22
5. Информация без размышления	27
6. Очень благоустроенная планета	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Лукьяненко

Стеклянное море

Часть первая

Сеятели

1. На берегу Сухой реки

Восход солнца на Сомате, все равно какого – белого или желтого, – это зрелище, уступающее лишь закату. Вначале вспыхивают вершины гор – кристаллический песок перемалывает первые лучи света, окутываясь радужным сиянием. Чем выше поднимается солнце, тем ниже сползает разноцветная пелена. В черном, усыпанном звездами небе горы сверкают, как драгоценные камни на бархатной подкладке. Но вот над острыми, изломанными скалами показывается краешек солнца – белого или желтого, в зависимости от времени года. Небо наполняется густой синевой, а между разноцветными, нарядными, как карнавальные одежды, горами возникает тускло-серая, медленно текущая лента. Сухая река течет еще ленивее и спокойнее, чем равнинные реки на Земле. Даже водопады, которых немало в низовьях Оранжевых гор, производят впечатление чего-то сонного и неторопливого. Поток падает со скал медленно и почти беззвучно, словно русло реки наполняет легкая, невесомая пыль. Впрочем, так оно и есть.

Я проснулся, когда белое летнее солнце перевалило через Рыжий хребет и залило ущелье жарким сиянием. Почти мгновенно стало душно, ночная прохлада исчезла бесследно. Комбинезон, согревавший меня всю ночь, сменил цвет с черного на серебристый.

Первым делом я извлек из кармана кассету с фильтрами-увлажнителями. Морщась от неприятной сухости во рту, сменил отработавшие носовые фильтры на свежие – влажные и упругие комочки синтетического волокна. В кассете остались еще две пары фильтров – при должной экономии их хватит на сутки. Второе по важности дело заняло еще минуту – из смятого тюбика с увлажняющей мазью я выдавил несколько сантиметров жирной белой пасты. С наслаждением втер ее в растрескавшуюся кожу на руках и лице.

Теперь можно было приниматься за обычные утренние процедуры, необходимые как на Земле, так и в сотне парсеков от нее. Пробежавшись по ущелью, я встал у красивой лимонно-желтой скалы и отдал долг природе Сомата. Затем совершил пробежку в противоположную сторону – к реке.

Медленные серые волны плеснули у моих ног. Разноцветные камешки, отполированные тусклой пылью, сложились в новый узор. Лучшего калейдоскопа, чем берега Сухой реки, придумать невозможно – здесь встречается галька всех оттенков, какие только способен различить человеческий глаз.

Нагнувшись, я зачерпнул полную пригоршню сухой воды. С первого взгляда она напоминала серебристую пыль или очень мелкий песок. Прикосновение разрушало иллюзию. «Пыль» была холодной и чуть-чуть влажной. Крошечные капельки пота на ладони начали медленную химическую реакцию, разрушающую растворенную в воде кремнийорганику. Ничтожное количество этого сложного молекулярного соединения превращало обычную жидкость в то, что заполняло реки и озера Сомата, – в сухую воду. Крошечные капельки воды, окруженные пленкой из кремнийорганики, отталкивали друг друга, как одноименно заряженные частицы. Для того чтобы превратить на всей планете воду в пыль, хватило сотни килограммов гидроудального вещества, равномерно рассеянного в атмосфере. Откуда на Сомате взялась кремний-

органика, я не знал. Возможно, причиной стал залетевший из другой галактики метеорит. А может – мои соплеменники, испытавшие на безжизненной планете экзотическое оружие.

Между пальцами просочилась и упала капелька воды. Сухая вода отчаянно пыталась перейти в нормальное состояние — а пот, слюна, кровь служили неплохими катализаторами. Когда-то я экспериментировал, пытаюсь найти простой и надежный рецепт для возвращения воды в жидкое состояние. Увы, вещества с необратимым действием не оказалось.

Я высыпал ставшую заметно влажной пыль в рот. Сделал несколько полоскательных движений, хорошенько перемешав сухую воду. Больше всего она напоминала безвкусное желе – скользкое и зыбкое на языке.

Через несколько минут процесс окончился. Я получил полный глоток холодной и чистой воды... а кремнийорганика выпала в неощутимый осадок. Возможно, организм сумеет вывести его. Переходила в сухое состояние лишь чистая вода. С биологическими жидкостями фокус не удавался.

Главной бедой Сомата было то, что жизнь на нем еще не успела развиваться. А теперь ей не возникнуть никогда.

Сделав еще пару глотков, я побрел к месту ночлега. Вид пыльной реки меня раздражал, а горами можно было любоваться откуда угодно.

Солнце медленно ползло к зениту. Маленький белый диск был ослепительно ярким, темно-синее небо казалось по контрасту почти черным. Жаркий, не приглушенный облаками или хотя бы водяной дымкой свет жег лицо. Я устроился под Полуденной скалой – ее причудливая форма давала максимум тени в разгар дневного зноя.

– Ты похож на безатмосферную планету, Сомат, – вполголоса сообщил я разноцветным скалам. – На самый мерзкий из астероидов!

Если честно, я не бывал на безатмосферных планетах. Да и претензии к Сомату не слишком справедливы. Он предоставил своим гостям кислородную атмосферу, приемлемый температурный режим и воду. Пусть даже и в сушеном виде...

Требовать от несчастной планеты тенистых насаждений или сочных плодов было бы неспортивно.

В нагрудном кармане комбинезона лежала плоская коробочка с пищевыми таблетками. Оттянув пружинящую, норовящую встать на место крышку, я заглянул внутрь. Результаты ревизии меня не удивили: половинка таблетки неприятного бурого цвета и горстка темной пыли. Из коробочки неожиданно пахло мятой. Вчера аварийный пищевой рацион издавал запах ванили.

Насколько я помнил инструкции, изменение запаха указывало на ухудшение качества продукта. Однако какую степень пригодности обозначал мятный аромат, я не знал. Императорские кулинары с планеты Тар вполне могли не додуматься до простейшего решения: испорченные таблетки должны пахнуть неприятно.

Я со вздохом разжевал таблетку. Размером она была с медаль «За доблесть» какого-нибудь молодого африканского государства, так что даже половины хватило для полноценной работы челюстей. К сожалению, вкус и консистенция соответствовали все той же медали. Из смеси химически чистых белков, углеводов, минеральных солей и витаминов ничего вкусного не приготовишь.

Вслед за половинкой таблетки отправилось бурое крошево. Пустая коробочка полетела к сухим волнам. Я разочарованно проводил ее взглядом – не добросил! Начинался шестой планетарный день, иначе говоря – девятые земные сутки моего вынужденного отшельничества. Соматом я был сыт по горло.

Удивительно, насколько меняется отношение к окружающему миру по мере углубления контакта. Я прожил на Сомате два года – но вместе с любимой девушкой, в уютном купольном доме с массой приятных мелочей вроде бассейна или приемника гиперсвязи, ежедневно

радующего сводкой галактических новостей. Тренажерный зал со спарринг-фантомом позволял ежедневно тренировать тело, а библиотека не давала заржаветь мозгам. Иногда я с ужасом замечал, что мне, горожанину и экстраверту, начинает нравиться подобная жизнь. И вовсе не из-за Терри, которая наконец-то была со мной.

Я полюбил одиночество. Оценил прелести покоя и безопасности. На меня не бросались отлично подготовленные убийцы с атомарными мечами, а исполинские военные корабли не пытались превратить Землю в несуществующую планету. Никуда не надо было бежать и не с кем было бороться. Разве что с топографическим фантомом в тренажерном зале или не желающим мыться Трофеем – забавным гибридом кота и собаки.

Мир Сомата красив. Я не геолог и не представляю, какой каприз природы раскрасил местные горы щедрой палитрой художника-сюрреалиста. Не знаю, почему сухая вода непрозрачна и имеет матово-серебристый оттенок. Но летать над Соматом на флаере – увлекательное занятие.

Наш дом стоял на Белом побережье. Это одно из самых ровных мест на планете. Равнина не слишком широка, не больше сотни километров между горами и берегом. Зато она тянется вокруг всего Малого Овального моря. Побережье выстлано мелким белым песком, а редкие скалы состоят из белесого мрамора. На песке, если поливать его нормальной водой, отлично растут деревья. Рядом с нашим домом разбит... был разбит маленький сад.

Зеленые деревья на белой земле – зрелище великолепное. Стимулятор заставил их вымахать метров на десять за какие-то месяцы. К концу первого года земная сакура и тарийский шелковник зацвели, и после этого роща приобрела фантастический вид. На снежно-белой земле стояли усыпанные нежно-розовыми и багровыми цветами деревья – вполне взрослых размеров, но с удивительно нежными листьями и мягкой, как у саженцев, корой.

Сейчас песок в роще черный и спекшийся уродливыми колючими комьями. Ну а деревья напоминают высеченные из антрацита скульптуры. Где-то в глубине стволов еще сохранились живые клетки, но им уже не выбраться из угольного плена. Роща мертва, а возле вспоротых куполов застыли боевые роботы...

Застыли навсегда – те, кто оставил их в засаде, не учли мощности моего личного щит-генератора. Как ни странно, он сдерживал их залпы почти минуту – пока я, захлебываясь горячим воздухом и собственным криком, ловил в прицел деструктора камуфлированные белым машины.

Конечно, это было случайностью – корабль агрессоров приближался с востока, и роща лежала между ним и защитной станцией. Когда орудия дали по кораблю свой первый и последний залп, их выжгли широкополосным лазером. Но станция была еще жива, а компьютер по прозвищу Махно не имел в своей программе понятия «капитуляция». Я сам вводил в него личностные черты, сделавшие из электронной машину нервного, импульсивного, полагающегося в первую очередь на интуицию «военачальника». Честно говоря, никогда не предполагал, что Махно придется вступать в бой. В первую очередь мне нужен был собеседник с вредным характером. Кто-то еще невыносимее, чем я, – но с кнопкой отключения на пульте.

Лишившись всех своих деструкторов и лазеров, Махно пустил в ход силы второго эшелона: дом прикрыло нейтрализующее поле, а из многочисленных секрет-капсул взлетела навстречу кораблю электронная мошара.

Сеятели не стали терять время на возню с настройкой деструкторов против многочисленного и разнотипного противника. Они применили «протонный дождик», испепеливший все за пределами защиты. Затем сквозь невидимую пелену нейтрализующего поля прошли... нет, не вооруженные плоскостными мечами солдаты. Мои потомки не собирались драться врукопашную. Они создали биороботов, функционирующих в нейтрализующем поле. Я нашел двоих в полуразрушенном доме – их даже не потрудились убрать. Карикатурно похожие на людей, но покрытые прочной как сталь чешуей, с длинными плетями хватательных щупалец пониже

обычных рук, они вызывали скорее отвращение, чем страх. Оба биоробота были рассечены на несколько мелких частей – а Терри в бою предельно рациональна. Похоже, чешуйчатые монстры дрались даже рассеченные надвое.

Два абсолютно идентичных мозга, размещенных в грудной клетке роботов, были размером с детский кулачок и начисто лишены чего-либо похожего на кору.

Я никогда не надеялся, что меня оставят в покое. Я был случайностью, ошибкой, попавшей в безупречные планы землян двадцать второго века. И пускай мое нерасчетное поведение не нанесло вреда, наоборот – спасло Землю, едва не ставшую жертвой собственной игры. Это ничего не меняло. Вначале я оказался не на своем месте, а потом еще и в чужом времени. Двенадцать достойных Геракла подвигов не искупили бы ошибки, которую я мог совершить в любой момент. Я это понял – пусть и не сразу. Именно поэтому нашим с Терри домом стал безжизненный Сомат. Мы не собирались оставаться здесь навсегда – но твердо решили отсидеться на краю галактики три-четыре года.

Земля могла успешно осуществлять проект «Сеятели» и разыгрывать перед ошеломленными зрителями свою божественную роль. Война с неведомыми мне, но, очевидно, нехорошими фангами шла своим чередом – переходя от стадии «холодной», когда о ней напрочь забывали, к стадии «теплой», когда выпуски новостей заполняла до тошноты знакомая патристическая чепуха.

Мы с Терри не вмешивались. И Эрнадо, Ланс, Редрак – наш экипаж, – отправившиеся на цивилизованные планеты, получили те же инструкции. У Редрака осторожность была в крови еще с пиратских времен, ну а Лансу с Эрнадо достаточно было приказа принцессы.

Возможно, не стоило разделяться. На нас с Терри могли выйти различными путями, но самым вероятным оставался вариант с захватом и допросом кого-либо из экипажа...

Теперь это было уже без разницы. Каким бы путем нас ни обнаружили, но Терри оказалась в плену, а я перешел на партизанское существование. На Сомате, где влажность воздуха составляет ноль процентов, а растительности нет и не было, скрываться от врагов почти невозможно. В разрушенном куполе я не обнаружил никакой пищи – меня сознательно вынуждали сдаться. Порыться как следует вокруг не было ни сил, ни времени – в любое мгновение к месту схватки могли подоспеть новые отряды.

Я скрылся в горах с тем же запасом снаряжения, с которым уходил из дома на двухдневную экскурсию. Возможно, меня и не преследовали, но рисковать я не мог.

Так же как и понять, почему Сеятели решились на столь откровенно враждебный жест.

Я мог упрекать своих потомков в чем угодно. Они были жестоки и неразборчивы в средствах. Сеятели ни в грош не ставили созданную ими систему цивилизаций. Патологический страх перед цивилизацией фангов и вера в «историческую неизбежность» победы вытеснили в них все нормальные человеческие чувства.

Но подлыми Сеятели не были. Они играли честно – пусть даже по своим правилам. И чувство благодарности не было для них пустым звуком.

Почему же они решились на подлость?

Я победил в ментальном поединке их представителя – Маэстро. Но поединок шел по правилам Сеятелей – просто я оказался более уверенным в своей правоте. Я нарушил законы Сеятелей – но лишь для того, чтобы спасти нашу общую родину, Землю. Я удрал из своего времени, конца двадцатого века, в середину двадцать второго. Но опять-таки не пытаюсь помешать своим потомкам. Все, что я хотел, – это жить, не подчиняясь законам «основного потока истории».

Меня могли и должны были искать. Со мной обязаны были проводить долгие душевные беседы. Но вооруженное нападение...

Я усмехнулся, устраиваясь поудобнее на колючих камнях. Принцесса жива – я уверен в этом. Она позовет меня – и кольцо поможет нам услышать друг друга.

Жара. Тишина. Смерть.

Целый мир вокруг – стерильно чистый и безнадежно мертвый. Я выбрал его, надеясь найти покой. Не моя и не его вина, что покой стал слишком редким удовольствием.

Я закрыл глаза. Задремать бы... Солнце подкралось к зениту, и тень от скалы незаметно сползла с меня. Сразу стало нестерпимо жарко – словно на плечи набросили липкий раскаленный брезент. Фильтры в ноздрах пересохли – сейчас придется менять...

Полдень. Двадцать второй век. Увы, совсем не такой, как в любимой книжке моего детства.

Ничего не изменилось – в неподвижном воздухе ни малейшего движения, тишина оставалась звеняще ровной, оранжевый свет сочился сквозь сжатые веки. Но я вздрогнул.

Предчувствие? Ощущение нарастающей опасности?

Осторожным движением я ощупал кольцо. Металл холодный, несмотря на жару, кристаллик-энергоноситель по-прежнему на месте. Кольцо не активировано.

А странное чувство не проходит. И обрело конкретность. Ощущение чужого взгляда.

На меня смотрели – не злобно и даже не слишком пристально. Так оглядывают знакомую местность, не особенно интересуясь случайной человеческой фигурой...

Не знаю, откуда берется это чувство «взгляда в спину». И почему оно иногда абсолютно расплывчато, а порой предельно четко. Сейчас я мог уверенно определить и направление «наблюдателя», и расстояние до него – метров десять.

Я открыл глаза – так медленно и осторожно, как только мог.

На мгновение мне показалось, что через полуоткрытые веки я увидел человеческий силуэт – именно там, где и ожидал увидеть. Потом я понял, что нервы сыграли со мной обидную шутку: среди причудливых скал не было никого.

Упрямство заставило меня подняться и подойти к месту, где пригрезился соглядатай. Укрыться среди камней было абсолютно невозможно, а до ближайшей каменной щели, куда мог втиснуться человек, оставалось метров пятнадцать. Порядка ради я заглянул и туда. Пусто.

Да что ж такое? Глюки? Однажды я убеждал себя в подобной ситуации, что мне мерещится всякая чертовщина. Как оказалось, зря – посреди непроходимых джунглей чужой планеты в лок моего звездолета постучался земной мальчишка...

Себе надо верить всегда – даже если убежден, что ошибаешься.

– Если какой-то умник прячется под маскировочным полем... – прохрипел я, тщетно пытаясь издавать пересохшей глоткой членораздельные звуки, – ему лучше выйти.

Выждав секунду, я потянулся к маленькому диску на поясе. Эта штучка из арсенала Сеятелей в определенных ситуациях весьма полезна.

Предохранительная пластинка лопнула под пальцами, неведомым образом оценив серьезность моих намерений. Диск «запала» издал громкий щелчок и рассыпался в пыль – лазерный пояс был оружием одноразовым.

Я вскинул руки, словно собираясь сдаться в плен. Какой-то датчик определил, что мои конечности вне опасности, и пояс сработал.

Меня словно обжало горячим обручем. Тонкая лента пояса, черная снаружи и белая с изнанки, вспыхнула, превращаясь в поток излучения. Термин «лазерный пояс» не совсем точен, но суть передает верно. Секунду вокруг пылал, обжигая скалы, огненный диск. Маскировочное поле могло отразить такой залп – но именно это стало бы главной уликой.

Светящийся диск померк. Защитная изнанка пояса, тонкая, как папиросная бумага, белыми хлопьями осыпалась на песок.

Я огляделся. Скалы вокруг равномерно оплавилась, словно по пенопласту провели раскаленным ножом.

Возвращаться на прежнее место смысла не было. Я нашел новый кусочек тени и устроился там. Похоже, нервы сдали. За мной не следили – спрятаться наблюдатель не мог, равно

как и уйти в гиперпрыжок. Побочные эффекты прокола гиперпространства – мощное световое излучение и громкий хлопок воздуха, ворвавшегося на место исчезнувшего из пространства тела. Когда-то тарийские ученые пытались устранить эти демаскирующие явления – и не смогли. Сеятели, насколько я знал, тоже.

– Мне пора менять обстановку, – пробормотал я. – Если видишь людей в пустыне... и разговариваешь сам с собой... значит, дело дрянь.

– А как насчет разговора со мной?

Этот голос я узнал бы из миллиона.

– Терри!

Я поднял руку. Кристалл в кольце пульсировал, бился, как крошечное алмазное сердце. От металла веяло теплом.

– Где ты, Терри? Что с тобой?

Пауза. И смех, веселый и беззаботный.

– Ты что, до сих пор шатаешься по горам? Даже не подходил к дому?

Безумие какое-то...

– Подходил, Терри, – очень тщательно подбирая слова, произнес я. – И снова ушел в горы. Вот теперь голос Терри изменился.

– Ты не получил записки? О том, что я на Земле и тебе надо вызвать корабль Сеятелей...

– Ты в плену? – почти закричал я. И глупо спросил: – Тебя заставили говорить со мной?

– Сергей! О чем ты? Я не в плену, а на твоей планете! Я же все объяснила в записке, ты получил ее?

– Получил лазерный залп на подходе к дому, – тихо сказал я. Меня трясло от унижения. – Кто-то ведет двойную игру, Терри. Я даже не уверен, что говорю с тобой.

– Сергей!

Несколько мгновений мы молчали. Камень в кольце пульсировал все быстрее. Его энергоресурс не безграничен, кольцо не сможет обеспечить нам долгой беседы.

– Это действительно я. – Голос Терри зазвучал чуть спокойнее. – Не понимаю, что происходит, но тебе надо прибыть на Землю. На орбите Сомата ждет корабль, вызови его на стандартной волне...

– Терри, в нашем доме не осталось ни одной целой микросхемы. Даже стен не осталось. – Я откашлялся, восстанавливая голос. – Кроме того, я не доверюсь своим землякам. Разбей камень.

– Кольцо выкинет тебя в любой точке Земли, – неуверенно сказала Терри. – Это же не Тар, где нет океанов.

– Я понимаю. Но придется рискнуть. Активируй кольцо.

Мои слова были такими же сухими, как мое горло. На другом конце гипертуннеля со мной мог разговаривать компьютер – или же Терри, но одурманенная наркотиками и гипнозом.

– Хорошо, – покорно сказала Терри. Если это была она. И я не выдержал:

– Терри, малышка... Мы встретимся там же, где познакомились, хорошо? Ты помнишь?

– Да... Сергей, ты готов?

– Абсолютно.

Я встал, выдернул из ножен меч. Если это ловушка... если техника Сеятелей перехватит меня и выкинет в тюрьме, то лучше быть вооруженным. С атомарным мечом я смогу пройти через любую дверь – и достаточно большое количество тюремщиков.

– Давай, Терри, – прошептал я.

Кольцо полыхнуло оранжевым – и я почувствовал, как сковывает тело пленка силового поля. Вперед, через гиперпространство, сквозь наркотическое безумие туннельного гиперперехода. Обратно, на Землю. На чужую планету, в мир моих потомков Сеятелей.

Вокруг сомкнулась темнота.

2. Возвращение

Когда я впервые прошел через гипертуннель, я даже не предполагал, что меня ждет. Странное, нестерпимое наслаждение, охватывающее человека в гиперпространстве, застало меня врасплох.

Сейчас я ждал чего-то подобного. Буйства красок и запахов, сладострастной дрожи, охватывающей тело...

Не было ничего.

Лишь легкость – куда более глубокая, чем невесомость. Ощущение полной бесплотности, бестелесности – меня действительно не существовало в тот отрезок времени, когда утратившее трехмерность пространство воссоздавало мое тело в иной точке.

– Ты счастлив?

Это был мой голос. Я сам задал вопрос – и не удивился тому, что задумался над ответом.

– Наверное...

– Значит, нет. А почему?

– Я устал.

Смех. Я смеялся, чувствуя, как накатывает запоздавшая почему-то эйфория. Над своими вопросами и ответами, над серьезностью и доверительностью диалога.

– Устал? Двадцать семь лет – очень маленький срок. Что ты знаешь про усталость?

– Слишком много событий... слишком много поворотов... я не успеваю за ними...

Оранжевое зарево полыхало вокруг. Я несся сквозь полотнища розового и багрового света, рассекая редкие сгустки белого пламени. Тепло и холод, полумрак и свет. И пьянящий восторг.

– Я стрела, пущенная в закат, – прошептал я. – Я счастлив, и я не устал...

И тут же предостерег сам себя:

– Не сходи с ума. Расслабься. Думать в такие моменты вредно, просто отдыхай. Ты никуда не летишь, ты уже на Земле. В гиперпространстве нет времени. Все твои ощущения длятся доли секунды, пока тело обретает материальность.

– Я отдыхаю...

Сладость на языке. И ласковые прикосновения к лицу. Запах моря... и тихая музыка вдали.

– Отдыхай. И запомни, это хороший совет: самый простой путь – всегда самый верный; самые простые решения – всегда надежнее сложных. С прибытием.

Я почувствовал, что падаю, и в падении уже не было легкости. Ветер был слишком холодным, а вода, в которую я упал, ударила по ногам упругой резиновой плитой. С прибытием...

Я ушел под воду с головой, вынырнул, отплевываясь и жадно глотая воздух. Горячие пробки заткнули уши, одежда намокла. Пускай. Это настоящая, живая вода, которой я не видел два года.

Неумело загребая руками – почти разучился плавать, – я посмотрел вдаль. Берега не было. Терри не зря предупреждала меня об опасности выйти из гипертуннеля где-нибудь над океаном. Но, черт возьми, на Сомате такая опасность всерьез не воспринималась...

Меч тянул ко дну – плоскостное лезвие почти невесомо, но движения стесняет. Без колебаний я отбросил клинок. Содрал со спины перевязь с тяжелыми ножнами. Опять ушел под воду, избавляясь от них. Глотнул очередную порцию воды...

Она же пресная!

Я повернулся и увидел берег. В какой-нибудь сотне метров. Если бы не залившая уши вода, я услышал бы шум разбивающихся волн.

Жалеть о мече не стоило – плыть с ним смертельно опасно. И все же я почувствовал себя обманутым. Какие капризы кольца выбросили меня именно здесь, а не на берегу?

Плыть пришлось недолго – метров через пятьдесят я почувствовал под ногами дно. Встал, подталкиваемый невысокими волнами, и побрел по отмели к берегу.

Был вечер. Облака над горизонтом багровели – наверное, солнце село только что. Небо оказалось серовато-синим, неуютным, северным. А вдоль берега тянулась темная стена соснового леса.

Интересно, где я? В Канаде, на Великих озерах? На Байкале?

Берег был каменистым и чистым. Ни малейших следов человека. Я отошел подальше, к самой кромке леса, и опустился на траву. Я промок до нитки, но сушить одежду не хотелось. Сомат научил меня ценить влагу.

Ближайшие сутки мне не грозил голод: питательные таблетки действовали безотказно. Потом можно ловить рыбу, собирать ягоды и грибы. И двигаться вдоль берега, отыскивая признаки цивилизации – города, села... химкомбинаты... ржавые бочки, полузатопленные в воде. Телефонную будку, наконец.

Усмехнувшись, я похлопал себя по карманам. Надо разобраться, с чем я вернулся на свою планету.

Странно – ткань комбинезона сохла на глазах. С нее стекали последние капли воды и шел пар. Подкладка ощутимо нагрелась.

Я покосился на правое плечо. Там тускло помаргивал зеленый огонек. Комбинезон работал, и до моей внезапной любви к мокрой одежде ему не было никакого дела.

Хмыкнув, я растянулся на травке. Полчасика можно отдохнуть. Не спеши, пока тебя не торопят, учил меня когда-то Эрнадо.

Самый простой путь – самый верный, поучал я недавно сам себя. Забавный бред охватил меня в гиперпереходе.

Небо над головой темнело, и облака становились все светлее. Небо Земли. Почему-то я не испытывал никакого восторга, вернувшись в свой мир. Мне скорее было не по себе от возвращения.

И самое смешное – я боялся не того, что Земля неузнаваемо изменилась. Я боялся, что она осталась прежней.

– Посмотрим, – сказал я себе. – Маэстро Стас, в конце концов, оказался не самым плохим человеком.

Тем более что Сеятели явно не похищали Терри. Если бы она применила кольцо под их контролем, я оказался бы не на берегу озера, а в камере, заполненной усыпляющим газом. А то и просто в тисках силового поля. Никакой меч мне бы не помог.

Я закрыл глаза. Все нормально. Я на Земле и, похоже, в безопасности. Если с Терри все в порядке, то ни в какие авантюры я не полеку. И даже не стану разбираться, кто устроил налет на мой дом и засаду из боевых роботов.

Часов до двух ночи я просидел на берегу у костра. Разжечь его удалось не сразу – из источников огня у меня был лишь лазерный пистолет с полупосаженным зарядом. Впрочем, и на самой низкой мощности луч не поджигал сучья, а резал их на части. Наконец, рассвирепев от пятой или шестой неудачи, я задвинул в гущу валежника камень и раскалил его лучом докрасна. Ветки, даже влажные, моментально занялись. Я устроился с наветренной стороны, время от времени подбрасывая в огонь сосновый лапник. Несколько мгновений он сопротивлялся пламени, потом вспыхивали эфирные масла и длинные зеленые иглы начинали светиться рубиновым светом. От костра пахло хвоей, причем не горелой, а живой, словно от новогодней елки.

Пять лет не отмечал Новый год. А пожалел об этом лишь теперь. Наверное, это слишком земной праздник.

Сейчас на Земле, должно быть, конец лета. Конечно, если не изменился климат, а я не ошибся, решив, что это озеро – Байкал. Ветерок был холодным и пах не по-летнему. Ягод я никаких не нашел, но, возможно, в этом был виноват сгустившийся сумрак. Не беда. В своем комбинезоне я не замерзну и зимой.

Ночное небо на Земле оказалось для меня самым реальным доказательством прошедших столетий. Нет, рисунок созвездий не изменился, или же моих познаний в астрономии не хватило, чтобы заметить отличия. А вот ползущие по небу искры космических спутников привели бы в экстаз Циолковского или Королева. Честно говоря, от их обилия становилось не по себе. Разноцветные огни скользили во всех возможных направлениях с самыми неожиданными скоростями. Несколько раз траектории спутников менялись у меня на глазах, причем под такими углами, что в наличии гравикомпенсаторов можно было не сомневаться. С десятков спутников имели явно километровые размеры – они выглядели не точками, а маленькими дисками. Вокруг одного такого диска периодически вспыхивал тусклый ореол, который я определил как вторичные эффекты работы плазменных двигателей. Похоже, эта махина ползла по такой низкой орбите, что ей постоянно приходилось компенсировать потерю высоты от торможения в стратосфере.

На востоке, почти у самого горизонта, висело нечто вообще невообразимое – тусклый квадратик, от которого уходила вниз колонна яркого света. Умом я понимал, что это всего лишь космическое зеркало – огромная блестящая пленка, отбрасывающая на нужную точку земной поверхности солнечный свет. Но единственная ассоциация, которую вызывало у меня зеркало, была до жути прозаической. Окошко. Маленькое квадратное окошко в темном подвале, из которого сочится дневной свет.

Зрелище открытого в небе окна вызывало у меня если не трепет, то какое-то потрясающее неуютное ощущение. Ни на одной планете в галактике я не видел такого простого и впечатляющего решения проблемы ночного освещения.

Земля казалась мне чужой, словно девчонка-одноклассница, впервые наложившая яркий макияж и надевшая взрослое платье. Это был уже не совсем мой мир.

Но, если верить Маэстро, здесь любили Данькины картины. А ту политику, которую вела Земля последние два года, открыв планетам Храмов свое существование, никак нельзя назвать несправедливой или колониальной.

Единственное, на чем Земля настояла, так это на создании системы взаимопомощи человеческих миров с Десантным Корпусом в качестве основной ударной силы. Но эта военная структура управлялась общим советом представителей планет, носила явную оборонительно-противофанговскую направленность и за два года ничем себя активно не проявила.

Возможно, я был несправедлив к родной планете.

Посреди ночи, когда костер стал догорать, я соорудил себе в сторонке постель из веток и улегся досыпать. После скал Сомата колючее хвойное ложе показалось мне вполне приемлемым.

Меня разбудили птицы.

Минуту я лежал, не открывая глаз. Где-то совсем рядом, в нескольких метрах, пощелкивала неведомая пичуга. Лет пять назад я счел бы ее пение немногим мелодичнее вороньего.

Сейчас я был рад этим звукам. Меня приветствовала Земля – не всегда красивая, не всегда изысканно благородная. Единственная родина людей. Моя планета.

– Здравствуй, – прошептал я. – Доброе утро...

– Доброе утро.

Со мной поздоровались чуть удивленно, но вполне вежливо. Прежде чем незнакомец закончил фразу, я, не вставая с земли, метнулся в сторону. Должно быть, это выглядело забавно: полупрыжок-полусальто с одновременным похлопыванием по затылку – именно так

должна была выглядеть со стороны моя попытка вытащить из отсутствующих ножен утопленный меч.

Приземлившись метрах в двух от постели из лапника, я потянулся за пистолетом. И остановил руку.

Мой утренний гость не напугал бы и ребенка. Тощий белобрысый парень лет семнадцати, длинноволосый, в больших круглых очках. Неужели в двадцать втором веке Земля не справилась с близорукостью? Из одежды на парне были черные плавки и блестящая, словно из фольги, лента, небрежно намотанная на правую руку от локтя до плеча. Несмотря на столь скудный гардероб, юноша был совершенно незагорелым, кожа его отливала почти молочной белизной.

– Твой утренний тренинг? Или я вас напугал?

Парень слегка улыбнулся. Несмотря на полную растерянность, я отметил неожиданную смесь обращений на «вы» и на «ты» в его словах. Своим ответом я, видимо, определял дальнейший стиль наших отношений...

Не люблю, когда за меня пытаются что-то решить.

– И то и другое, – пытаюсь улыбнуться, ответил я.

Парень задумчиво смотрел на меня. Потом приподнял ладони в своеобразном приветствии.

– Извини, – вполне дружелюбно сказал он. – Ждал, пока ты проснешься. Хотел позвать на завтрак.

Его русский был безупречен – но с легким акцентом, словно у прибалта. И все же у меня не возникло ни тени сомнения, что он говорил на родном языке. Просто русский язык чуть-чуть изменился.

– Я думал, поблизости никого нет, – пояснил я. – Вот и растерялся.

– Я роддер, – невозмутимо сказал парень.

– Роджер? Я не понял незнакомого слова. И удивил этим собеседника.

– Род-дер, – раздельно произнес он. – Или о нас уже никто не помнит?

Я пошел ва-банк.

– Мне казалось, – осторожно произнес я, – что роддеров остались единицы.

Парень поморщился, и я почувствовал, что угадал.

– Нет, десятки... Понимаю. Суть в фангах и генормистах. Мы за скобкой. Но – есть.

Небрежно кивнув, я потянулся. И спросил:

– Так как насчет завтрака?

Парень снова вытаращился на меня. Зачем-то снял очки – и я заметил, что он совершенно не шурится.

– Ты интересно говоришь. Откуда?

Раздумывать не приходилось. Я показал рукой вверх.

– Колонист?

– С Земли, но долго жил там.

– В объеме, – совершенно дико заключил парень. Похоже, мой ответ его удовлетворил. – Насчет завтрака... Насчет... – смакуя слово, произнес он. – Идем.

Мы двинулись к лесу. Парень вдруг спросил:

– Знакомимся?

Я кивнул. Чем меньше звуков я издам, тем лучше.

– Андрей.

– Сергей.

Мы шли через лес, впереди Андрей, помахивая снятыми очками, за ним я. Парень вилял между деревьями самым диким образом, никаких следов тропинки не было, и я заволновался:

– Не заблудимся?

Слава Богу, это слово Андрею было знакомо. Он опять смутился, как при вопросе о количестве роддеров, и пробормотал:

– Нет, я с пищалкой.

Он неопределенным жестом указал куда-то на ухо. Приглядевшись, я увидел на мочке крошечный кусочек розового лейкопластыря.

– Метров сто, – добавил Андрей. И протянул мне очки: – Погляди пока.

Стараясь сохранять невозмутимый вид, я надел очки. Они были очень легкими, а стекла, если это действительно были стекла, оказались плоскими.

Как только я отнял руку от очков, стекла слегка потемнели. По ним пробежала сверху вниз красная светящаяся полоска. Потом на затемненном фоне появилось изображение – крутящийся белый кубик. Он начал приобретать объем – и вдруг выплыл из стекол и полетел перед моим носом, постепенно увеличиваясь.

– Настроились? – заботливо поинтересовался Андрей.

– Да. – Я с трудом подавил желание снять очки. Стекла вновь посветлели, и иллюзия кубика стала полной. Вот он, в метре передо мной, шагни – и можно дотронуться рукой.

Кубик плавно раскрылся, превращаясь в полупрозрачное полотнище... огромный кленовый лист... плавно взмахивающую крыльями бабочку. Это было не настоящее насекомое – скорее его мультипликационный вариант. Бабочка порхала передо мной, старательно огибая ветки деревьев. Огибая, черт возьми!

Я опустил голову, глянул поверх очков. Никого, разумеется.

В ушах зазвучала тихая музыка. То ли флейта, то ли свирель, далеко-далеко, почти за гранью слышимости.

– Это Юркинсон, «Мотылек с Но», – сказал Андрей. – Сейчас пойдет по низам – сак и тамы... О, мы пришли.

С облегчением сняв очки, я отдал их Андрею. Мы вышли на полянку, и роддер торопливо содрал с уха лейкопластырь.

– Полный нуль, – попросил он, отбрасывая в кусты «пищалку».

Я понял. Что ж, промолчу. Неужели для роддеров, кем бы они ни были, подобные путеводители запретны?

– Конечно, Андрей. Полный нуль, – успокоил я его.

3. Завтрак на поляне

Более странной компании мне еще видеть не приходилось. Главным в ней, бесспорно, был Дед: мужчина лет сорока на вид – об истинном возрасте мне оставалось лишь догадываться – с ярко-рыжими волосами, в костюме неопределенно-спортивного покроя. Такая одежда не привлекла бы внимания и на Земле двадцатого века, и где-нибудь на Таре или Схедмоне в двадцать втором. Мое появление он приветствовал знакомым уже жестом ладоней, после чего занялся разжиганием костра.

Костер был сложен бездарно.

Единственной девушкой в группе оказалась юная особа по имени Криста. Ее внешность представляла разительный контраст пухленькой фигурки и лица с резкими, угловатыми чертами. Впрочем, улыбка у Кристи вышла доброй, безобидной и, похоже, искренней. Ее белый, разукрашенный цветной вышивкой костюмчик выглядел едва ли не домотканым. Но на ткани почему-то не осталось ни единого пятнышка, когда Криста привстала с мокрой густой травы.

Наиболее равнодушными к моему появлению остались два подростка лет четырнадцати-пятнадцати. Один дремал на разложенном под деревом одеяле. На нем были лишь буро-зеленые шорты, и я мысленно поздравил парнишку с хорошей закалкой. Было по-утреннему прохладно, с озера тянул влажный ветер. Потом я заметил маленький тускло-серый цилиндр. Воздух над ним подрагивал, как над асфальтовой дорогой в жаркий день. Подобные модификации «тепловых одеял» я встречал не раз.

Второй парнишка кивнул мне и нырнул в оранжевый шатер маленькой палатки. Я лишь успел заметить, что лицо у него совсем детское, а на груди болтается золотистый круглый медальон.

Андрей проводил парнишку пристальным взглядом и сказал:

– Это Вик на тебя навел. Он сенс, не очень сильный, но в такой глуши человека чует километров за десять.

Я кивнул. Если телепатией владели Храмы, то почему бы ее не освоить и Сеятелям? Надеюсь, мои мысли «сенс» прочесть не сможет.

Дед наконец-то справился с наваленными как попало ветками. Начало потрескивать разгорающееся пламя. С видом полностью удовлетворенного человека Дед отошел от костра и спросил:

– Будете жареное мясо? Натуральное.

Я кивнул. И снова отметил, что моим согласием удивлены. Спас положение Андрей:

– Сергей колонист. Его натуральными продуктами не удивишь.

Криста с любопытством уставилась на меня. Дремлющий подросток повернул голову. А Дед спросил:

– Откуда? Если открыто...

Земные информвыпуски я смотрел редко. Наверное, боялся ностальгии. А вот сводки новостей с планет-колоний не пропускал. У Земли было десятка четыре реальных, заселенных межзвездными экспедициями колоний. Все остальные являлись порождением Храмов. И отношение к «настоящим» и «храмовым» колонистам не могло быть одинаковым...

– С Берега Грюнвальда, – заявил я.

Колонию на Сириусе, названную в честь погибшего шведского пилота, населяли большей частью славяне. Кроме того, этот мир освоили сравнительно недавно, как только был создан экран, защищающий планету от излучения Сириуса-А. Она оставалась в значительной степени зависимой от метрополии – и в то же время намеренно обзавелась своим сленгом, обычаями, этикой.

– С Берега? – Дремлющий подросток приоткрыл глаза и засмеялся. – Это там, где небо в клеточку?

– Щит-сеть видна лишь на закате, – резко ответил я. – Благодаря ей мы можем ходить без личной защиты.

– Не обижайся, – миролюбиво хмыкнул тот. И снова утратил ко мне интерес.

Полезно иногда смотреть познавательные программы... Я мысленно поставил себе плюс. И принялся отвечать на вопросы Деда и Кристи – самых любопытных из компании.

Да, я родился на Земле. В Москве (я надеялся, что российскую столицу переименовать не рискнут). На Берег Грюнвальда улетел с родителями, когда мне исполнилось девять. Работал пилотом, возил грузы на транспортных дисках, пассажиров на флаерах. Зачем нужны пилоты? С нашими ураганами автоматика не справится. Иметь пилотов-профессионалов дешевле (это тоже было правдой, почерпнутой из программы новостей). Да, женат. Детей нет, успею. Собираю модели космических кораблей, особенно старинных. «Восток», «Джемини»... Не слышали? На Землю прилетел вчера. День побродил по Москве, потом решил побывать на природе. Нет, не очень. Завтра, а то и сегодня, улечу.

Поджарить мясо по грюнвальдским рецептам смогу. Но нужны специи... Нет? Как жалко.

Минут через десять я все же нанизывал на тонкие стальные шампуры аккуратные кубики мяса. Возможно, оно и было натуральным, но с первого взгляда в это не верилось. В мясе не оказалось ни одной косточки или хрящика, оно было нарезано кубиками и запаковано в прозрачную пленку.

– Сейчас все не так... – пробормотал Дед. Он начинал напоминать мне отца. Такой же немногословный и сожалеющий о прошлом, не то чтобы старый, но предельно взрослый. Особенно если пытался выглядеть моложе.

– Времена меняются, – изрек я проверенную столетиями мудрость.

Дед искоса взглянул на меня:

– Не знаю. Люди меняются, а вот времена... Лет пятьдесят назад, когда я начал роддествовать...

Ого! Деду действительно было не меньше шестидесяти. Не пошел же он бродяжничать в младенчестве.

– ...тогда имелась цель. Был смысл. Я знал роддера... наверное, единственного настоящего роддера в мире. Игорь, не помню фамилию...

Я с деланным вниманием кивал, заканчивая очередную палочку шашлыка. В герметично запаянном пакете я обнаружил десяток спелых помидорин и теперь нанизывал их вперемежку с мясом. И как они ухитрились не подавить овощи?

– А ты знаешь, как все началось? Почему появились роддеры?

– Нет.

Разговор становился интересным. Просто чересчур познавательным, если говорить честно. А не подставных ли бродяг встретил я в лесу?

– Когда распространились пищевые синтезаторы и пища стала практически бесплатной, многие прекратили работать. Исчезла потребность в труде, а других стимулов не нашлось. На более-менее интересные должности пробиться могли единицы...

Я оцепенел. Руки автоматически продолжали прежнюю работу, а в сознании крутилось: «пищевые синтезаторы», «пища стала бесплатной...»

Случайность? Или результат контроля Храмов? Я вновь был на борту «Терры». Мы опустились на Рантори-Ра, и мутное красное солнце всплывало над горизонтом. Степь вокруг была черной, выжженной, словно мы сели на главной мощности. Я на пару с Лансом выгружал из корабля тяжелые коробки с консервами и концентратами, а управлявший транспортером Эрнадо произнес: «Воздух и вода здесь почти очистились, а вот почва... Если бы они могли не есть местной пищи... Но разве сто миллионов продержатся на подачках!» Рантори-Ра, пла-

нета-самоубийца. Планета-прокаженная, чьи последние жители медленно догнивали на отравленной земле под ядовитым небом. Десяток их стоял сейчас невдалеке от корабля – ближе подпустил бы только сумасшедший. Полулюди-получудовища. А им всего-то надо было питаться нерадиоактивной пищей.

А еще я вспоминал Шетли. Планета, проигравшая межзвездную войну и выплачивающая растянутую на сотни лет дань. Не знаю, кто был прав, а кто виноват в той давней войне – мне хватило прогулки по столичным улицам Шетли, чтобы утратить любопытство. Планета платила репарации продовольствием – самым дорогим товаром галактики, если не считать оружия. Но оружие им производить запретили...

Мы с Эрнадо шли к офису местной торговой компании, блоки личной защиты на наших поясах были включены. Так посоветовала администрация космопорта, и желания спорить с ней не возникало. Прохожие провожали нас долгими взглядами, мне становилось не по себе. Не то чтобы они выглядели истощенными – скорее одутловатыми. «Несбалансированное питание», – обронил Эрнадо, он разбирался в окружающем куда лучше меня. «Зайдем в ресторан, посмотрим, чем они питаются», – полусерьезно предложил я. «Хорошо, только не стоит брать мясо». Секунду я стоял посреди тротуара, пытаюсь сообразить, нет ли в словах Эрнадо менее жуткого смысла. Потом сказал: «Мы улетаем. Я не повезу с этой планеты ни грамма продовольствия, сколько бы ни заплатили». Эрнадо кивнул, соглашаясь. Но добавил: «Разве это что-то изменит...»

Земля вот уже полсотни лет владела синтезаторами пищи. Но ни в одном мире Храмы не подсказали людям этого секрета.

– Отвлекаю, Сергей? – поинтересовался Дед.

– Нет. Рассказывай, я слушаю.

– Чаще всего в роддеры уходила молодежь. Даже дети, те, кто получил Знак Самостоятельности. И до тех пор, пока не возникли гипердвигатели, иного выхода не было. Лишь когда началась колонизация...

Я устроил шампуры с мясом над огнем. С роддерами все стало более-менее ясно. Гибрид хиппи, панков и рокеров. С абстрактной добротой хиппи, презрением к реальному миру панков и любовью к передвижению рокеров. Впрочем, мотоциклов и прочих технических средств роддеры не признавали. По большей части они передвигались пешком, лишь при необходимости переправиться на другой континент пользовались авиатранспортом. Бесплатным. Земля действительно стала богатой планетой.

– ...привлекала возможность новых странствий, романтика неизученных миров. Роддеров высосало словно прямоточником. А в колониях все оказалось по-другому. Самые упорные гибли, остальные занялись делом. Это оказалось интереснее, чем бродить по дорогам, пользуясь гарантированным минимумом услуг...

Дед замолк, глядя в огонь. Криста под села ближе, фыркнула:

– Сбрасывай, Дед. Сергей слушает от вежливости. Ты развертываешь, как из программы истории. Это открыто всем.

Дед виновато кивнул. Принялся переворачивать палочки с мясом. И тут у нас за спиной раздался негромкий голос:

– Но Сергей этого не знал. Он впитывал данные.

По спине пробежал холодок. Я обернулся. Рядом сидел Вик – тот самый парнишка, что почувствовал мое присутствие. Сенс.

Чего мне только не хватало для полного разоблачения, так это телепатов.

– Никогда не интересовался историей, – равнодушно ответил я. – В том числе и роддерами. Зря, наверное.

К нам подошел Андрей. И с легким восторгом в голосе предположил:

– А может, ты разведчик из хроноколоний? На прошлой неделе передавали про одного, с планеты Клэн.

Теперь уже меня рассматривали все. И я прекрасно знал, что они видят: жесткое, с очень сухой кожей лицо – а на Берегу Грюнвальда высокая влажность, полувоенного вида комбинезон – достаточно неудобный в повседневной носке, пристегнутый к поясу чехол – не опознать в нем кобур у почти невозможно.

– Разведчик подготовился бы лучше, – с наигранным весельем в голосе ответил я. И, вспомнив одно из сленговых словечек, добавил: – Твоя идея не в объеме.

Неожиданно мне на помощь пришел Вик:

– Он не разведчик, Андрей. Он наш, с Земли. Я инопланетчиков чувствую.

– Жаль, – с искренним сожалением вздохнула Криста. – Стало бы интересно.

Да уж. Если разведчик из хроноколоний имел наглость проникнуть в мир Сеятелей, он без колебаний уничтожил бы лишних свидетелей. Но роддерская компания этого, похоже, не понимала.

Мы принялись завтракать, но в воздухе словно осталась какая-то неловкость, натянутость. Андрей начал обращаться ко мне на «вы», Криста постоянно бросала любопытные взгляды, быстро отводя глаза. Вик и второй подросток молчали. Лишь Дед никак не прореагировал.

Припоздавший завтрак – солнце уже подобралось к зениту – завершил апельсиновый сок из картонных коробочек. Я отметил, что вскрытые коробочки, небрежно откинутые в сторону, через несколько минут размякли и побурели. Над проблемой отходов на Земле поработали неплохо.

Мой стакан, под удивленные взгляды роддеров брошенный в костер, вспыхнул ярким бездымным пламенем.

Первым, кому наскучило поддерживать видимость непринужденного отдыха, оказался Андрей. Он легко поднялся с травы, похлопал ладонями по ногам, сбрасывая налипший сор. Спросил, обращаясь не то к Кристе, не то ко всем присутствующим:

– Может, поиграем?

Криста кивнула, поднялась и медленно пошла в сторону озера. Проходя мимо палатки, она подхватила с травы прозрачный сверток – не то матрас, не то целый надувной плотик.

– Дэн, Вик, – обращаясь к подросткам, продолжил Андрей. – Поддерживаете?

Вик покачал головой, а Дэн лениво побрел за Кристой. Андрей шел последним.

Меня на свои водные игрища они и не подумали позвать... Я поморщился. Пускай. Не очень-то и хотелось. Лучше выяснить у Деда, как отсюда выбираться.

Дождавшись, пока троика скроется из виду, я повернулся к предводителю роддеров. И поразился происшедшей с ним перемене. С него сползла маска солидности, но одновременно исчезли и дурацкие попытки казаться моложе. Просто мужчина средних лет, отчаянно пытающийся скрыть разочарование. Интересно, что его так расстроило?

– Дед... – Меня вдруг покорило от глупого прозвища. Пусть им пользуется Андрей с компанией. – Как тебя звать?

– Майк, – просто ответил он. Покачал головой. – Ты очень странный, Сергей. Чужой.

– Как сказал Вик, я с Земли.

– Это ничего не значит.

Майк подобрал ветку, поворошил ею в огне. Тихо сказал:

– Спрашивай, Сергей. Я отвечу. И не покажу, если вопросы меня удивят.

– Ты давно вернулся в роддеры?

– Месяц назад. Собрал команду и ушел. Зря, надо было одному.

Я кивнул:

– Ты здесь единственный настоящий бродяга, Майк.

– Знаю. Я надеялся на Андрея... на Вика. Но они не умеют кричать молча.

Я понял. Глянул на безучастно наблюдающего Вика, сказал:

– Наверное, время пассивного сопротивления прошло. Вы боролись против жизни, в которой нет места для миллионов. А с чем роддеры должны бороться сейчас? На что ты хотел их поднять?

– С чем? – Майк помолчал. Затем добавил, зло, мгновенно изменившимся голосом: – Ты из колонии... если информация верна. Неужели сам не видишь, что происходит? Во что превратилась Земля?

– Нет, не вижу, – честно ответил я.

– Ты знаешь, откуда появились хроноколонии?

– Ну, в общих чертах... – У меня гулко застучало сердце.

– В общем может быть лишь ложь. Правда всегда в частности. Никакого проекта «Сеятели» не было.

– Неужели? – Я едва сдержал смех.

– Да. Великая миссия Земли – наполнить галактику разумом, создать тысячи новых цивилизаций – это чушь. Фанги! Вот где причина. Наше правительство такое же сумасшедшее, как и они. Какие-то умники решили создать из ничего целую армию союзников. Разгромить фангов руками марионеток.

Я ошарашенно смотрел на Майка. Господи, неужели он действительно считает, что сообщил мне что-то новое? Неужели большинство землян верит в бескорыстность проекта «Сеятели»?

А знают ли они о начинке «Сеятелей» – проекте «Храм»? О том, что планеты хроноколоний полностью контролируются Землей?

– Майк, – осторожно начал я. – Если ты прав, то вся идея с хроноколониями неэтична. Но вполне разумна. Союзники появились.

– Появились. – Майк горько усмехнулся. – А что будет завтра? Когда боевики хроноколоний покончат с фангами? Они возьмутся за Землю и ее жалкие сорок колоний. Из огня да в полыню, так говорится?

– Не так. Из огня в полымя, из огня в огонь, если угодно. Я думаю, Земля вполне в состоянии контролировать колонии. В конце концов, все они развиты меньше, чем мы. У них более слабое оружие... и даже нет синтезаторов пищи.

– Тем более, Сергей. Сейчас они еще считают нас полубогами, прародителями, великим и добрым миром. А когда узнают, что на самом деле мы планета трусов, решивших спрятаться за плечи своих детей? Мы превратили свой завтрашний день в день вчерашний. Не важно, что этим мы спасаем свое сегодня. Расплата придет, Сергей. Они не простят нам своей отсталости, своей роли пушечного мяса. Уже сейчас хроноколонии пытаются понять, кто мы на самом деле. Они не простят.

Я молчал. Ты прав, Майк. Не простят. Никогда. Ни роли бесплатных солдат в галактической бойне, ни многовекового «тренинга» перед схваткой, в который превратили их жизнь Храмы, ни голода, ни вечного страха перед Сеятелями-богами.

А главное – нам не простят самозванства. Нельзя притворяться богом. Им нельзя и быть, но можно – пытаться. Изо дня в день доказывать, что хочешь быть богом. Не важно, добрым или злым. Нельзя останавливаться, иначе скатишься с Олимпа...

Земля остановилась.

– Майк, но чего же ты добиваешься? Здесь не помогут роддерские пути... молчаливый крик и отказ от цивилизации.

– Сергей, сколько тебе биолет? Земных лет?

– Двадцать восемь.

Майк удивленно посмотрел на меня. Сказал:

– Я думал, лет на десять больше. Тогда понятно. Ты думаешь, что путь тела, путь активности важнее, чем путь души. Но мир можно изменить, лишь изменив каждого человека в мире.

– Интересно, как изменить человека, не проявляя никакой активности.

– Своим примером. Показать ему, как меняется душа, и увести за собой.

– Многих же ты увел, Дед.

Майк криво улыбнулся.

– И все-таки, чего ты добиваешься? Пусть роддеров станет много, пусть они превратятся в силу... пассивную силу. Хроноколонии уже существуют, этого не изменить.

Майк помолчал, потом неохотно ответил:

– Пути есть. Уйти из нашего пространства... оставить его фангам и хроноколониям. Пусть разбираются между собой.

Я промолчал. Если Майк считает, что путь духовного совершенствования должен кончиться предательством галактических масштабов... На подлеца он не похож.

А может быть, старый роддер действительно считает эту альтернативу самой этичной. Может быть, он видит и другие развязки в треугольнике Земля-фанги-хроноколонии. Неизмеримо худшие, чем бегство землян в иное пространство?

– Дед, – не глядя на него, спросил я. – Ты со всеми ведешь такие беседы?

– Нет, – не колеблясь ответил Майк. Я не высказывал всего даже своим ребятам.

– А в чем тогда дело? Вербуешь в роддеры? Не пойду.

– Ты землянин, я верю Вику. Ты колонист... если верить тебе. На тебе защитный комбинезон сотрудников проекта «Сеятели», если мне вконец не изменяет память. Но ты ненавидишь этот проект куда больше, чем я...

Дед лениво поворошил ногой тлеющие ветки. Похоже, его костюм огнеупорен, как и мой.

– Видишь ли, Сергей, любой настоящий роддер – это отличный психолог. И читает мимику даже очень сдержанных людей. Твою мимику не поймет разве что ребенок. Ты чужак, прячущийся от властей.

4. Гостиница для шпиона

Я попытался улыбнуться, но лицо не слушалось, улыбка вышла жалкой и ненатуральной.

– И что ты собираешься делать, Майк?

– Ничего. И вовсе не из-за твоего пистолета. Мы тоже оппозиция власти – пусть и пассивная.

Почему-то я верил ему. Даже без всяких объяснений. Однако Майк решил внести полную ясность:

– Схватись с ними. Лишняя проблема проекту «Сеятели» или Ассамблее – это шанс, что услышат и наш голос.

– Тем более что он станет компромиссом, – предположил я.

Дед кивнул. Не удержавшись, я добавил:

– Впору загордиться. Опытный психолог-роддер считает меня проблемой для целого проекта с двухмиллионным штатом.

– Считаю, – серьезно подтвердил Майк. – Не от хорошей жизни, но считаю.

Он порылся в лежащем на траве рюкзаке. Странно, но эта деталь туристского снаряжения почти не изменилась: те же лямки и клапаны, карманы на боках, ярко-оранжевая ткань, уже слегка выгоревшая на солнце.

Дед извлек из кучи какого-то разноцветного тряпья плоскую стеклянную флягу с прозрачной коричневой жидкостью, протянул мне.

– Коньяк? – не глядя на этикетку, поинтересовался я. Наверное, зря – кто знает, не стал ли этот напиток в двадцать втором веке антикварной редкостью. Но все прошло благополучно.

– Да. «Кутузов», семилетняя выдержка.

Я с любопытством уставился на этикетку. Она была лубочно-яркой, нарисованной словно в пику строгой «наполеоновской». Мы молча, торжественно разлили коньяк в стаканчики, которые подал Вик. Он дал три штуки, но Дед словно не обратил на это внимания. Лишь когда мы сделали по глотку, бросил:

– Не знаешь, Вик. А то свяжусь с отцом.

Парнишка спорить не стал.

Вторую дозу коньяка Дед предварил тостом:

– За Землю.

Я кивнул: можно и за Землю. А можно за фангов или хроноколонистов. Коньяк сам по себе тоже стоил отдельного тоста. Тот «Наполеон», который мне доводилось пробовать, дешевый, польского разлива, был неизмеримо хуже.

– Майк, мне надо... в ближайший город. И побыстрее.

– Ты без фона? – Дед ухмыльнулся, словно сам признавал риторичность вопроса. Неужели действительно принимает меня за инопланетного разведчика?

Я покачал головой.

– Мы тоже без связи. У Андрея есть аварийный вызывник, хоть он это и скрывает. Случай экстренный?

– Нет. Просто причуда.

Дед кивнул:

– Для роддера такая причина уважительна. Но не для транспортных служб. Возьми в рюкзаке карту, поищи ближайшую точку связи. Конечно, если тебя не интересует пеший марш до Иркутска.

Ага. Значит, мы на Байкале. Интересно, Иркутск действительно ближайший к нам населенный пункт? Или Майк понял слова про город буквально?

Карта лежала в тонкой планшете с какими-то бумагами и круглым золотистым значком, точно таким, что носил на цепочке Вик. Едва глянув на карту, я почувствовал себя полным идиотом. Это была карта Земли – с масштабом один к двадцати миллионам. Кроме того, проекция была совершенно неожиданной: нечто вроде двенадцатиконечной звезды с распластанными на ней материками. Напечатана карта была на обыкновенной с виду бумаге, но возле синего пятнышка Байкала горела ослепительная рубиновая точка. Наверняка наши координаты.

– Не надо, – неожиданно сказал Вик. – Точка связи в пяти километрах к северу.

Дед настороженно посмотрел на Вика:

– Откуда ты знаешь?

– Смотрел вчера, – с непонятным мне подтекстом ответил подросток.

– Ясно.

Наступило минутное молчание. Я переводил взгляд с Вика на Майку. Что-то происходило...

– Ждать тебя? – спросил Дед.

Вик покачал головой.

– Тогда проводи Сергея.

– Конечно. Я возьму рюкзак.

– Попросить у Андрея вызывник?

– Не стоит. – Вик щелкнул по медальону на груди. – Я без комплексов, Дед. Если придется, сломаю Знак.

– Прощаешься?

– Кристе привет.

Вик легко поднялся, кивнул мне:

– Идем, я провожу.

Он заглянул в палатку, вытащил оттуда совсем тощий рюкзачок, такой же оранжево-яркий, как у Майки. И, не оглядываясь, пошел прочь от костра и нас с Дедом.

– Привет отцу, – негромко сказал ему вслед Майк. И протянул мне руку: — Догоняй его. Ветра в лицо, встретимся в пути.

– Ветра в лицо, – повторил я. – Спасибо за завтрак... и напиток из фляжки.

В голове слегка шумело. Я поднялся и пошел за Виком. Парнишка шагал обманчиво-неторопливой походкой, способной за час вымотать любого «непрофессионала».

Минут десять мы шли молча. Потом Вик, не глядя на меня, сказал:

– Я почувствовал тебя вчера вечером, сразу после гиперпрокола. Ты сильно испугался чего-то.

– Упал в воду и не увидел берега, – после секундной заминки ответил я. – А как ты узнал про гиперпрокол?

– Слишком резко появился сигнал.

Вик поправил свой рюкзачок и добавил:

– Я не читаю мысли, не бойся. Только эмоции.

– Да я и не боюсь.

Опять молчание. Мы поднялись на невысокую сопку. Дул ровный прохладный ветер. Снова заговорил Вик:

– Мне не холодно, я же роддер. Куртку предлагать не стоит, это смешно.

Он улыбнулся:

– У тебя очень четкие эмоции. Полярные. Ты не обижайся. Я пожал плечами. Разговор с полутелепатом – неплохая проверка нервной системы.

– Забота... охрана... покровительство... – продолжал Вик. – Боишься за свою девушку?

– Да, – медленно закипая, ответил я.

– И наоборот. Агрессия... ярость... ненависть. Я не хотел бы стать твоим врагом. И не завидую тем, кто ухитрился попасть в их число. Сергей, можно откровенность?

– Фальшь ты почувствуешь. – Мне вдруг стало интересно. – Спрашивай, Вик.

– Как это – убивать по-настоящему? Страшно? Жалко? Противно?

Мы остановились. Вик с любопытством смотрел на меня.

Притворяться было бессмысленно.

– По-разному, Вик. Иногда даже безразлично.

– Это плохо, – серьезно ответил Вик.

– Хуже всего. А как можно убивать не по-настоящему?

– Фильмы с ментальным фоном. Но в них все фильтруется... я чувствую, что они лгут.

Извини за вопрос. Это между нами, на выход ноль.

– Черт бы побрал ваш сленг, – не выдержал я. – Ты человек или компьютер?

– Человек. Гляди, Сергей. Вон Андрей с парой на берегу.

Я посмотрел в сторону берега. Воздух был чист, расстояние не мешало видеть надутый, поблескивающий как стекло матрас. И троичку на нем. Вот так «поиграем».

Несколько раз глотнув воздух, я посмотрел на Вика. Лицо у меня горело.

– Нравится? – жестко спросил Вик. – Ругайся, поможет.

– Сколько лет Дэну? – спросил я.

– Не знаю. У него есть Знак, в таких случаях не спрашивают. Андрею пятнадцать, Кристе четырнадцать. Кажется.

– Пошли.

– Только не к ним. У них Знаки, понимаешь? Они могут делать все, что угодно, если не мешают другим.

– Они мешают мне.

– Остынь... – попросил Вик.

Я ощутил, как гнев уходит. Осталась лишь легкая растерянность. И дурацкая мысль – участвовал ли Вик в таких играх?

– Нет. Никогда. Пойдем, я тебя долго сдерживать не смогу. И так уже есть хочется.

Он молча пошел дальше. Я постоял немного и побрел за ним. Когда мы перевалили через сопку, попросил:

– Прекращай свое сдерживание. И больше в мои эмоции не вмешивайся.

– А я уже прекратил. Видишь искорку впереди?

Я присмотрелся. Километрах в трех от нас поблескивала над землей серебристая черточка.

– Антенна. Вызовешь себе флаер... Нет, лучше я тебе вызову. Ты же без Знака.

– Слушай, Вик! Тебе не интересно, кто я такой? Без Знака, ничего не понимающий, врущий на каждом шагу. Или ты все же читаешь мысли?

– Нет! – с неприкрытой обидой ответил Вик. – Мне интересно, но лучше ничего не говори.

– Не хочешь ввязываться в чужие тайны?

Парнишка ответил не сразу:

– Не хочу терять тайну. Сергей, у меня никогда не было тайн. Все можно узнать, на любой вопрос найти ответ. Особенно если умеешь читать эмоции. А ты не раскрываешься. Дай помучиться.

Страшно, когда на ответы нет вопросов. Я даже замедлил шаг и подозрительно посмотрел на Вика. Мысль казалась сделанной, вложенной в сознание извне. Страшно. Когда на ответы. Нет вопросов.

Чушь.

– Вик, у тебя можно попросить совета?

– Конечно.

– Где мне лучше остановиться на несколько дней? Не привлекая внимания.

– В Иркутске? Или в Москве?

– Ну... В любом городе.

Вик улыбнулся. Пожал плечами:

– Отели есть везде. Но без вопросов... и Знака...

Дался им этот Знак!

– ...если только. Один ответ, Сергей. Бери в справочной адрес руководителя род-дер-клуба. Они есть почти в любом городе. Вспоминают молодость, пишут мемуары... Приходи к нему, говори, что ты роддер, и живи. Вопросов не будет, не принято.

– Спасибо.

– Да не за что. Или познакомься с девушкой...

– Ты думаешь, удастся обойтись без вопросов?

Вик смутился:

– Ну... не знаю... смотря с кем...

– Не знаешь, – с удовольствием съязвил я. – Не старайся казаться взрослее, чем есть. Я правильно сказал?

Ответа не последовало. До «точки связи» мы шли молча. И лишь возле невысокого каменного столбика, увенчанного тонкой металлической спицей, Вик сказал:

– Еще, не забывай. Тебе надо сменить одежду. Но в автомат-магазинах без Знака не обслужат. Зайди в обычный, ты достаточно взрослый, чтобы не доказывать кредитоспособность. Только не одевайся в секции «Люкс», не бери одежду на заказ. Что-нибудь простое, дешевое, не слишком модное.

– Брюки и свитер. Можно?

Вик сделал вид, что иронии не заметил.

– Можно. Только не из натуральной шерсти.

На каменном столбике была маленькая панель с тремя цветными кнопками – зеленой, желтой и красной. Вик коснулся желтой, та мягко засветилась. Из невидимого динамика раздался приятный женский голос:

– Срочный вызов флаера принят, Знак фиксирован. Свободная машина прибудет через семь минут.

– Спасибо, – вежливо произнес Вик. И кивнул мне: – Вот так это делается. Но вызывай флаер зеленой кнопкой, при этом не проверяется наличие Знака. Больше часа ждать все равно не придется.

– Хорошо.

Вик сел на траву, и я, поколебавшись, устроился рядом. Мне не давал покоя один вопрос, но задавать его почему-то не хотелось.

– Спрашивай, – неожиданно сказал Вик.

– Почему ты занимаешься этой глупостью? Роддерством? Дед просто ностальгирует по своей молодости, Андрею с компанией нравятся... игры на свежем воздухе с романтическим антуражем. А тебя как занесло?

Вик неуверенно посмотрел на меня:

– Не знаю, понятно ли будет.

– Попробуй, скажи. Я догадливый.

– Мне неудобно. Всегда и везде. А когда брожу с роддерами, чуть легче.

Лицо у него стало жестким. Интересно, сколько же ему лет? Это даже не акселерация, а черт знает что...

– Ты знаешь, Вик, я понял.

– Да? Тогда объясни! Я сам не понимаю, – неожиданно тонким, обиженным голосом выкрикнул Вик. – Чем я хуже других?

– Ничем, дурачок...

Я вдруг почувствовал жалость к этому нахохлившемуся пареньку. Жалость и нежность.

– Ты, наверное, даже лучше других, Вик. Ты сенс. Ты чувствуешь их эмоции, их боль и тоску. И не знаешь, как справиться. Для этого надо быть взрослым... а не владельцем Знака.

– Что же тогда, всем вокруг плохо? – Вик словно ошетинился. Я не пойму! Они довольны!

– Может быть, это глубже, чем удовлетворенность.

Вик молчал. Потом поднялся, повел плечами, устраивая рюкзачок поудобнее. Сказал:

– Твой флаер. С управлением разберешься?

Я оглянулся – со стороны озера скользила полупрозрачная каплевидная машина.

– Надеюсь. Ты не летишь?

– Нет. Я иду дальше.

Он засунул руки в карманы. Негромко сказал:

– Лети. Совершай активные действия. Лечи человечество...

– Я доктор-недоучка, Вик. Но вывихи вправлять приходилось.

Вик усмехнулся:

– Ладно. Жаль, что не увидимся, с тобой не скучно.

– Почему не увидимся?

Флаер беззвучно замер рядом с нами. Прозрачная крышка кабины поднялась вверх.

– Я же сенс, Сергей. И умею не только читать эмоции. Карту, например, я не смотрел.

И так знал, что здесь точка связи...

– Ветра в лицо, роддер.

– Ветра в лицо. Знаешь, откуда наше прощание?

Нет.

– Пока есть солнце и воздух, всегда будет ветер... Читай «Книгу Гор», Сергей. Поможет разобраться.

5. Информация без размышления

Управление оказалось простейшим, как и на галактических кораблях Сеятелей. Алфавитная панель, явно перенастраиваемая на несколько языков, фонетический блок для управления голосом. Я бегло оглядел приборы и сказал:

– Подъем на сто метров. Движение на запад.

Колпак кабины закрылся. Уверенный, сильный баритон с отчетливо угадываемым удовольствием повторил:

– Подъем на сто. На запад. Скорость?

Флаер плавно пошел вверх, и я оставил вопрос без ответа. Посмотрел вниз – Вик уже шагнул вдоль берега. Лишь один раз он остановился, провожая меня взглядом, и взмахнул рукой. Почему-то я поверил – мы больше не встретимся. Быть может, Вик заставил меня это почувствовать.

– Прощай, роддер, – тихо сказал я. – Пусть твой ветер иногда будет попутным. У тебя теперь есть тайна.

– Скорость? – вкрадчиво поинтересовался флаер. Хорошо хоть, у него хватило ума не переспрашивать про ветер и роддера.

– Максимальная. И не повторяй команд, – отрезал я.

Посмотрев на приборы, я покачал головой. Скорость нарастала так стремительно, что без гравикомпенсаторов явно не обошлось. На полутора тысячах в час разгон кончился, а над пультом, прямо в воздухе, засветилась надпись:

«Скорость максимальная. Форсаж?» Лаконично...

– Не надо. Мне нужна карта. Или нет... можешь проложить маршрут до города Алма-Ата?

«Город Верный – Алма-Ата – Алматы? Координаты...»

– Да, – оборвал я ползущую в воздухе строчку. – Этот самый. Сколько времени займет полет?

«Придерживаясь общественных воздушных линий – 6 часов 22 минуты. Используя скоростные трассы – 4 часа...»

– Используй общественные линии, – приказал я. Полет по скоростным трассам вполне мог оказаться платным. Или требовать наличия загадочного Знака. Мысль о нем навела меня на новый вопрос:

– Мне нужно толкование некоторых терминов. Есть возможность пользоваться энциклопедическим словарем?

Вопрос мог выдать во мне чужака, но выхода не было. Оказаться среди людей, не зная смысла элементарных понятий, еще рискованнее.

«Да».

– Хорошо. Толкование терминов «Знак Самостоятельности», «Роддеры», «Ассамблея»...

Я на секунду задумался и продолжил:

– «Генормисты», «Книга Гор». Можешь отвечать вслух.

Почуднее устроившись в кресле, я ждал. Флаер заложил плавный вираж, выходя на «общественную линию», на пульте перемигивались огоньки: то ли просчитывая курс, то ли обрабатывая запрос... А может, просто создавая иллюзию напряженной работы.

– *Знак Самостоятельности, Знак, Токен.* – В приглушенном голосе флаера звучал все тот же оттенок удовлетворения от выполняемого задания. – Толкование по сводному социологическому словарю.

– Рассказывай, – подбодрил я, закрывая глаза. Кресло во флаере было чертовски удобным. Движение не ощущалось вовсе.

– Введен в две тысячи шестьдесят третьем году, в городе Квебек, Североамериканские Штаты, после процесса «Дженнингс против Дженнингса».

Я хотел было поинтересоваться, в какие такие штаты входит канадский город. Но заставил себя промолчать. Бог с ней, с Канадой...

– Эпизодическое использование Знаков происходило до семьдесят второго года, после чего они были узаконены решением Ассамблеи. С данного момента статус Знака Самостоятельности неизменен. Знак представляет собой изготовленный из титанового сплава позолоченный диск диаметром шесть сантиметров. Имеет два уровня – персональной и коллективной ответственности...

Я машинально кивнул, вспомнив болтающийся на груди Вика медальон. Ничего примечательного.

– Согласно статусу Знака, он может быть получен в любом возрасте человеком любого пола, национальности и убеждений. Основанием для получения Знака является личная самостоятельность индивидуума, заключающаяся в способности здраво решать основные проблемы межличностного общения, действовать, исходя из принятых в обществе морально-этических норм, противостоять психологическому воздействию силой до двух доров и выполнять минимум трудовых обязательств – восемь месяце-часов. Переменные величины уточняются каждый месяц, однако их ужесточение не имеет обратной силы для владельцев Знака – поправка семьдесят третьего года. Средний возраст получения Знака – тринадцать с половиной лет, по состоянию на август этого года. Минимальный возраст получения Знака – шесть лет четыре месяца, процесс Ван Чжуна против Китайской Федерации. Максимальный возраст получения Знака – девяносто три года. Количество людей, отказывающихся от получения Знака, – две десятых процента населения Земли. Количество людей, не проходящих контроля, – шесть десятых...

Я зевнул. Мне стало скучновато.

– Основные юридические процессы, связанные со Знаком Самостоятельности: «Дженнингс против Дженнингса»; «ЮНЕСКО против Ассамблеи»; «Ван Чжун и Союз Мутантов против Ассамблеи и Китайской Федерации». Модификация Знака: введение в две тысячи сто четвертом году личностного детектора, введение в две тысячи сто тридцатом году щит-генератора с эмпатическим пуском и аварийного гипервызывника.

Голос умолк.

Я вспомнил, как Вик ответил Деду: «сломаю Знак». Видимо, после этого и включался гипервызывник, сообщая, что человек попал в беду. Несомненно, это считалось позором.

– Дальше, – сказал я.

– Роддеры, Роуддеры. Общественное движение, расцвет которого пришелся на две тысячи восьмидесятый – две тысячи сто пятый годы. После начала колонизации планет Центавра и Фомальгаута движение резко пошло на убыль. Основные постулаты роддеров: «Свобода – содержание, а не форма», «Права выше обязанностей», «Выбор всегда правилен». Находились в оппозиции к правительству, существовали на гарантированном минимуме благ, отвергали любой труд, утверждая, что он бессмыслен. Основную массу роддеров составляла молодежь. Обычаи, законы, история роддерства подробно описаны в монографии Анны Файфер «Узники Свободы». Духовными вождями роддеров считаются Салли Дженнингс, автор «Книги Гор», и Игорь Пригородский, «роддер номер один».

– Ясно. Продолжай.

Лежа в полуопущенном кресле, я боролся с дремотой. Надо будет затребовать у флаера школьный курс истории. Если у них есть школы и история...

– Ассамблея. Высший законодательный орган Земли. Двухпалатный, с прямым и пропорциональным представительством от экс-государственных единиц. Переизбирается раз в два

года. Запрещено избрание членов верхней палаты более чем на два срока подряд. Правом избрания обладает любой носитель Знака.

Генормисты. Антизаконная группировка, появившаяся в середине прошлого века. Ставит своей целью контроль за чистотой генофонда человечества. Деятельность заключается в пропаганде ужесточения генного контроля (легальные генормисты) и террористических актах в отношении нарушителей генных допусков (геннатуристы); теракты осуществляются боевиками из нелегальных генормистов.

«*Книга Гор*». Программный документ роддеров. Написана в две тысячи шестьдесят девятом году Салли Дженнингс, по некоторым данным – совместно с группой психологов, специалистов по подсознательному программированию поведения. В связи с этим в начале две тысячи восемьдесят третьего года проводился референдум по запрещению полного текста книги. Незначительным большинством голосов законопроект отклонен...

Говоривший закашлялся.

– Простыл? – поинтересовался я. И похолодел от ужаса. Машины не болеют.

Роботы не кашляют.

– У нас прохладно, – извиняющимся тоном ответил невидимый собеседник.

– Это где «у вас»?

– В Иркутске. Флаер приписан к общегородскому парку.

Несколько минут мы молчали. Я тихо бесился, представляя идиотизм ситуации. Принял человека за робота! Разговаривал с оператором, ведущим флаер, словно с машиной!

Но кто мог знать? Нигде в галактике такая система не использовалась. Если уж машине придавался водитель, то он в ней и сидел.

– Я не доставил много проблем своими вопросами? – осведомился я.

– Нет, что вы. Было очень интересно потревожить справочные службы. Я вначале решил, что предстоит скучный полет. Рад, что ошибся.

– Интересная работа? – небрежно спросил я.

– Вы не пробовали?

– Нет, никогда.

– Вполне интересно. Обычно обслуживаем туристов, развозим их по окрестностям, к озеру... А дальние полеты, как сейчас, редкость. Мое время, если откровенно, кончилось. Но я с удовольствием доведу флаер до алма-атинской посадочной зоны... Не против?

– Конечно.

– А вы издалека? Не тревожьтесь моим вопросом, он излишен...

– С Берега Грюнвальда.

Повторяя свою легенду, я мимоходом подбросил в нее несколько деталей – интересуюсь современными культурами земли, роддерами, генормистами и геннатуристами, собираюсь написать про них.

Мой собеседник явно оживился:

– Вы оптимист, молодой человек. Судя по вопросам, вы практически ничего о них не знаете.

– Взгляд неискушенного порой зорче, – ответил я. И поразился своей фразе – она возникла из ниоткуда.

– О, «Книгу Гор» вы все-таки читали, – одобрительно заметил оператор флаера. – «Взгляд неискушенного зорче, слова ребенка честнее, простые пути – верны».

Я заерзал в кресле. Не нравилось мне происходящее, ох как не нравилось. Кто-то ухитрился впихнуть в мое сознание неведомую раньше информацию. Или же тот самый эффект «предзнания», в который я никогда не верил? Считалось, что при туннельном гиперпереходе человек мог увидеть свое будущее... Ерунда. Случайные совпадения.

– Где вас посадить в Алма-Ате? – поинтересовался оператор. – Вы бывали в этом городе?

– Очень давно, – честно ответил я. – Думаю, он порядком изменился. Вы ничего не скажете?

– Авиавокзал? – неуверенно предложил оператор. – Горно-туристский комплекс? «Хилтон»? Больше ничего и в голову не приходит...

– Во сколько мы прилетим в Алма-Ату?

– Около полудня местного времени. Уточнить?

– Не надо. Можно выяснить адрес руководителя местного роддер-клуба?

– Конечно. Решили начать изучение субкультуры изнутри? Похвально...

Слушая разговорчивого оператора, я рассеянно оглядывал пульт. Технически флаер был оснащен не хуже орбитальных истребителей Тара или других хроноколоний. И все же имел живого оператора – не то дублера машин, не то просто дополнительного участника «трудовых процессов». Если подобная работа существует после массовой колонизации окрестных звезд, то что же творилось в роддерские времена?

– Адрес найден. Выдать на пленке?

Я кивнул, уже не слушая оператора. Мне вспомнился разговор с Лансом – давний, еще до того, как в экипаж «Терры» вошли Редрак и Данька, в ту пору, когда мы болтались по галактике, выискивая следы Земли.

Кажется, все началось в Гесмодее, на «бирже». Так называли открытый ресторанчик возле самого космопорта. В нем можно было просидеть весь день, заказав лишь пару дешевых напитков, чем большинство посетителей и пользовалось. Все они имели то или иное отношение к космическим кораблям: пилоты и техники, энергооператоры и оружейники, свежее испеченные выпускники училищ и скрывающиеся от полиции бандиты. За неделю нанимали не более одного-двух завсегдатаев биржи. Но оптимизм оставшихся не уменьшался. Они приходили за несколько часов до открытия, отстаивали перед посторонними свои столики – нередко с помощью атомарников.

– Хорошо, что я родился на Таре, – сказал тогда Ланс. – Право на труд у нас охраняется законом, работой обеспечиваются все.

Я усмехнулся. Монархический коммунизм – так я про себя окрестил общественный строй Тара. Хотя, честно говоря, ближайшей аналогией Тару был Кувейт.

Именно тогда я задумался над проблемой места в жизни, которая омрачала существование большинства людей. Дело было даже не в том, что не хватало рабочих мест. Всегда имелись работы, с которыми не справлялась техника, точнее, справлялась, но слишком дорогой ценой. Гораздо проще нанять человека, который будет собирать в топких болотах Рапенга драгоценные рап-цветы, чем строить для этого сложный кибернетический агрегат. Проще иметь живой обслуживающий персонал и уж наверняка лучше нанять солдат, обезопасив себя от вечной проблемы перепрограммирования боевых роботов. Человек, при всех его недостатках, очень выносливый, гибкий и даже преданный работник. Абстрактные понятия веры, любви, патриотизма делают его надежнее любой машины.

Но такие же абстрактные величины – гордость, честолюбие, любопытство – резко ограничивали сферу человеческой деятельности. Сборщик рап-цветов мог не устоять перед искушением попробовать наркотическую пыльцу. Официант, прислуживающий за ресторанными столиками, вовсе не испытывал удовольствия, обслуживая полупьяных бездельников. Любой лейтенант или капитан в орбитальной крепости, набитой оружием и контролирующей всю планету, подвергался постоянному искушению взять власть в свои руки.

Люди оказались в ловушке между двумя крайностями. Низкоквалифицированный однообразный труд устраивал лишь дебилов, а сложная, связанная с техникой и властью работа сводилась к минимуму и доверялась лишь абсолютно надежным людям.

На планетах хроноколоний основную массу недовольных поглощало сельское хозяйство. В производстве продовольствия можно было разбогатеть и сделать невиданную карьеру. Пра-

вительствами такой отток населения только поощрялся. Земля же в крестьянах попросту не нуждалась.

Я задремал, слушая сквозь сон пояснения оператора: мы пролетали над станцией связи Абаза, над тувинским заводом гипердвигателей, над границей испытательного полигона... Глянув вниз с высоты нескольких тысяч метров, я увидел желто-бурую степь с разбросанными по ней черными пирамидками. Над некоторыми воздух дрожал жарким маревом, одна пирамидка тускло светилась. Я не стал интересоваться, что там испытывают на бывшем ядерном полигоне. Наверняка не меньшую гадость.

Потом под нами проплыла голубовато-белая полоска Балхаша. Оператор сообщил, что управление берет алма-атинская станция, и попрощался.

Согнав сон, я еще раз продумал свои действия. Обосноваться в гостях у местного предводителя роддеров. Сменить одежду – в ближайшем неавтоматическом магазине, выбирая вещи попроще и подешевле. Найти парк, где мы когда-то встретились с Терри, и ждать ее там каждый вечер. Если парк еще существует.

Флаер начал заходить на посадку – довольно резко, но гравикомпенсатор избавлял от неприятных ощущений. Я уставился сквозь прозрачный колпак кабины, разглядывая лежащий у подножий Алатау город.

Вот так возвращение на родину...

Лозунг «Превратим Алма-Ату в город-сад!» мне всегда нравился. Несмотря на его утопический оптимизм и приказной тон. Но нельзя же превращать лозунги в реальность так буквально! Подо мной раскинулось ярко-зеленое море с целым архипелагом разноцветных островков-домиков. Над ожившей утопией в нереально чистом, лишенном и следов туч небе взлетали, опускались и просто парили яркие точки флаеров. Мне стало не по себе. Я любил прежнюю Алма-Ату – и понял это лишь сейчас. Конечно, я никогда не считал венцом архитектурного творчества гостиницу «Казахстан», президентский дворец или бани «Арасан». Ну а хрущевские многоэтажки или элитарные монолитные дома в микрорайоне «Самал» должны были развалиться сами собой. С этим все вполне ясно. Но какая-то преемственность в архитектуре должна существовать? Я не видел даже следов той четкой «шахматной» планировки, которая мне всегда нравилась. Живописный беспорядок, зелень садов и разноцветные домики. Выделялись лишь несколько башен, белоснежный дворец в центре и беспорядочное нагромождение огромных тускло-зеленых шаров на горе Кок-Тюбе, занявшее место телевышки... Да еще несколько цилиндрических матово-зеркальных строений в разных точках города – различающихся размерами, но явно созданных по одному проекту. Красиво, но это уже не мой город! Мой исчез бесследно...

– Когда город приобрел такой вид? – спросил я.

– Реконструкция Алма-Аты проводилась после землетрясения две тысячи семидесятого года.

Голос был безупречно правилен. На этот раз почему-то я был уверен, что говорю с автоматом.

– Высотные здания не строятся по соображениям безопасности?

– Высотные здания... – наступила пауза. Похоже, вопрос оказался нестандартным. – Высотные здания строятся. Они абсолютно надежны.

Я молча кивнул. Действительно, кто же предпочтет индивидуальному коттеджу квартиру в многоэтажном доме? Все производства наверняка вынесены далеко за пределы города. А конторы, институты, прочая административная дребедень стали просто ненужными с развитием телекоммуникаций.

– Мне нужен дом Нурлана Кислицына, бывшего роддера, – сказал я, с любопытством ожидая ответа. Для каждого автомата существует свой предел достаточности информации. Хватит ли флаеру таких скудных данных – или потребуется точный адрес? Я взглянул на

листок с адресом руководителя роддер-клуба. Улица Курмангазы, дом 567-28. Надо же, название улицы сохранилось...

– У вас назначен визит? – поинтересовался автомат. Информации, видимо, хватило.

Нет.

– Тогда посадка будет произведена на ближайшую общественную стоянку. Вам необходимо, выйдя из флаера, пройти через подземный переход с указателем «Улица Курмангазы», повернуть направо и...

– Выдай информацию на пленке, – приказал я.

6. Очень благоустроенная планета

Больше всего меня поразило то, что улицы не были асфальтированы. Разумеется, никаких движущихся тротуаров, многократно воспетых фантастами, я тоже не обнаружил.

Улица, прямая и широкая, с матовыми шарами светильников на тонких металлических столбиках, была покрыта травой. Мягкой зеленой травой, ровной, как корты Уимблдона. Я наклонился, пытаясь вырвать травинку. Какое там! Она оказалась упругой и прочной, словно резина. Но, бесспорно, настоящей. Вглядевшись, я увидел, что под густым слоем травы уложена твердая пористая масса. Земля, очевидно, была еще глубже.

Стараясь придать себе невозмутимый вид, я пошел по обочине. Машин не было, и редкие прохожие брели по улице совершенно свободно. Неужели наземный транспорт канул в прошлое? Я посмотрел вверх – разноцветные капли флаеров казались слишком малочисленными, чтобы взять на себя все перевозки. Может, им просто некуда спешить, моим потомкам?

Надо признать, что потомки выглядели вполне респектабельно. После встречи с родде-рами я ожидал увидеть полный беспредел в одежде, но большинство прохожих одевались куда привычнее. Вот, например, идущий навстречу парень – в узких темно-синих брюках, голубой рубашке... то есть зеленой... золотисто-коричневой.

Привычность одежды оказалась кажущейся. Прошедший мимо юноша был одет в свободный блузон, меняющий расцветку каждое мгновение. А обогнавшая меня компания девушек – в короткие мини-юбки, сделанные словно бы даже не из материи. Серебристые полотнища, колыхавшиеся вокруг бедер, походили не то на облако газа, не то на камуфляж-поле... Черт возьми, они фактически могли выйти на улицу голышом – с включенным генератором, создающим видимость одежды. Им что – энергию девать некуда? Камуфляж-поле – один из самых энергоемких процессов, которым мы пользовались на корабле!

Чушь, эмоции... Пусть ходят в чем хотят. Главное – на меня, в моем комбинезоне, тоже не обращают внимания. Я шел по улице, вглядываясь в номера домов. Сами дома с дороги были практически не видны: их заслоняли деревья, невысокие живые изгороди, а то и туманная дымка – вот она-то, несомненно, имела камуфляжное происхождение. Мои потомки ценили уединение. Но к каждому дому вели узенькие тропинки, выложенные камнем или поросшие «дорожной» травой, у начала которых стояли ажурные указатели с номерами.

Пятьсот шестьдесят семь – двадцать восемь... Надпись была выполнена римскими и арабскими цифрами из довольно-таки небрежно вырезанных латунных полосок. Цифры еще более небрежно приколочены к неоструганной дощечке. Либо Нурлан Кислицын любит эпатировать окружающих... либо подобная небрежность сейчас в моде. Я пожал плечами и шагнул на дорожку, посыпанную крупным щебнем.

На кого может быть похож человек, носящий казахское имя и русскую фамилию? Исходя из опыта двухвековой давности, я предположил, что на татарина.

Нурлан Кислицын оказался негром. Не чистокровным, разумеется, – при желании в его лице можно было найти черты и европейской, и азиатской расы. Я с некоторым удивлением вспомнил, что и виденные мной на улице люди носили следы «великого смешения народов». Если такое по всей Земле, то Адольфу и его последователям работы не осталось. Что ж, приятно думать, что с национальной проблемой люди покончили... Заимев, впрочем, деление на землян, колонистов и хроно-колонистов.

Предводитель алма-атинских роддеров возился в цветнике перед домом. Занятие для бывшего бродяги более чем мирное и патриархальное. Цветы, даже на мой неискушенный глаз, были замечательные. Похожие на астры, но совершенно невообразимых расцветок – от бледно-голубых до черных.

Я подошел к цветнику, торопливо решая, кем лучше представиться. Бывшим роддером? Молодым последователем? Начитавшимся «Книги Гор» бездельником?

Нурлан оторвался от своих цветов, положил на землю аппаратик, больше всего напоминающий фен, и внимательно оглядел меня. Я криво улыбнулся. Кислицыну можно было дать лет пятьдесят, и ротозеем он не выглядел. Если каждый роддер – психолог, как уверял меня Дед, то врать не стоит.

– Ветра в лицо, – негромко сказал Нурлан.

– Пока есть солнце и воздух, всегда будет ветер, – по внезапному наитию ответил я. Это походило на пароль из дешевого детектива – но я привык полагаться на интуицию.

– Заходи, – вежливо сказал Нурлан. – Надолго?

– На пару дней. – Все оказалось просто, Вик был прав: никаких доказательств от меня не требовалось.

Дом Кислицына был самым обыкновенным кирпичным двухэтажным домом – или же казался таким. Внутри неожиданностей тоже не обнаружилось, разве что мебель оказалась массивной, громоздкой, под старину – настоящую старину, а не мой двадцатый век. Редкие приметы двадцать второго века – приборы непонятного назначения, плоские видеоэкраны, маленькие компьютерные терминалы в каждой комнате – совершенно терялись среди дерева и камня.

Мне это понравилось. Так же как и комната для гостей, куда отвел меня Нурлан. Широкое окно выходило в яблоневый сад, сквозь который виднелся соседский дом, окутанный туманным маревом камуфляжа. Из мебели был только необходимый минимум – шкаф, кровать, стол и кресло. Над столом висел плоский как фанерка видеоэкран, включенный в режиме календаря. Наконец-то я узнал дату – десятое сентября.

Встроенный в письменный стол информационный терминал оказался достаточно прост в обращении. Вскоре я вывел на экран карты города: современную и двухсотлетней давности. На месте парка, где я когда-то «спасал» принцессу, находились детская клиника, церковь Единых Во Христе и десятка два коттеджей. В очередной раз обругав себя за глупость, я попытался встать на место Терри. Скорее всего она будет ждать меня в церкви. Но с нее станет зайти в гости в один из домов или нанести царственный визит в детскую больницу.

Карту вдруг слизнуло с экрана, и я увидел своего хозяина.

– К тебе посетитель, роддер, – сообщил он. – Открой дверь комнаты.

Лицо Нурлана исчезло, а я повернулся к двери. Быстро же меня вывели... Что ж, дверь я открою.

Место я выбрал наиболее удобное – у окна, так, чтобы контролировать и дверь, и сад вокруг дома. В случае необходимости я мог легко перемахнуть через подоконник. Жаль только, что зарядов в пистолете хватит на короткую стычку, а никак не на серьезный бой.

Разблокированная дверь начала открываться, и я вскинул пистолет. Если это люди – буду стрелять по ногам. Если андройды, то располосую...

В дверях стояла Терри.

Секунду я смотрел на нее сквозь узкую прорезь прицела. Потом опустил оружие и услышал:

– Сергей, это я.

Мы не виделись всего лишь неделю – но она изменилась. Исчезла бледная сухость кожи, Терри слегка загорела. Вместо короткой стрижки, которую я делал ей с грехом пополам, возникла изысканная прическа – каждый локон лежал отдельно и чуть-чуть отличался по цвету. Ну и никаких комбинезонов, разумеется. Шорты из бледно-розовой ткани, довольно легкомысленный купальник и блестящая как фольга материя, обмотанная вокруг левой руки.

– Сережка, это правда я, – с жалобной ноткой повторила Терри.

Попыталась улыбнуться.

– Как ты меня нашла?

– Попросила справочный центр сообщать мне о всех прибывающих в город мужчинах твоего возраста и внешности. Особенно о не имеющих Знака. Сережка!

– Что за лента у тебя на плече? – Я просто тянул время. Я не знал, как поступить.

– Украшение... Сергей!

Я кинул пистолет на пол. Мне все равно не хватило бы сил в нее выстрелить – будь она даже биороботом, фантомом, телепатически управляемой марионеткой. Я подошел – молча, уже не стараясь контролировать движения и мимику.

– Мне было плохо, Терри, – просто сказал я, беря ее за руку. – Если это обман – не надо играть дальше. Я сдаюсь.

– Сергей... – Она коснулась моего лица, и я закрыл глаза. – Господи, что с тобой? Что случилось? Объясни.

Я молчал. Я был как альпинист, взобравшийся на неприступный горный пик и обнаруживший там отель, ресторан и вертолетную площадку. Я не мог ни радоваться окончанию мучений, ни грустить из-за напрасности подвига. Ладони Терри стали мягкими и нежными – они давно уже не были такими на Сомате. От нее веяло легкими, неуловимыми духами. Терри было куда лучше на Земле, чем на нашей мертвой планете.

– Терри, – прошептал я. – Принцесса. Кто с нами играет? Кто посмел...

– Успокойся. – Она гладила мое лицо, ерошила волосы. Редкая минута наших отношений – я не люблю быть слабым... К черту! – Сергей, что случилось на Сомате? Почему ты не захотел вызвать корабль Сеятелей? Расскажи.

Я присел на кровать, а Терри с ногами забралась в стоящее рядом кресло. По-прежнему не выпуская ее руку, я погладил тонкие нежные пальцы. Ощутил крошечный рубчик – принцесса планеты Тар не сразу научилась обращаться с кухонным ножом. И выругался, осознав, что продолжаю проверять ее.

– Соберись, принц! – В голосе Терри проступил металл. – Мы должны понять, что происходит! Соберись!

Кивнув, я до боли сжал кулак. Медленно посчитал до пяти. Глубоко вдохнул. Я спокоен и бесстрашен. Я смотрю на ситуацию со стороны. Самый простой путь – самый верный... Черт! Этого не было в стандартном наборе формул!

Но заученные движения уже сделали свое дело. Я собрался. И спокойно, глядя в лицо Терри, рассказал о нашем разрушенном доме, сожженных деревьях, подкарауливавших в засаде роботах.

Терри не задала ни одного вопроса. Лишь побледнела, услышав, что сад – ее гордость – сожжен. Она очень хотела продемонстрировать его Эрнадо и Лансу, те не верили, что на мертвом песке Сомата вырастут деревья.

– Когда ты меня позвала, – закончил я, – у меня не было ни малейших сомнений: ты под контролем. Я взял меч на изготовку... глупо, конечно. И шлепнулся в воду, рядом с берегом Байкала. Берег оказался за спиной, я ополоумел от страха, решил, что упал посреди Тихого океана. Утопил меч... Потом познакомился на берегу с роддерами... Слыхала о них?

Терри покачала головой. Ее знакомство с земной жизнью не включало в себя изучение хиппи, роддеров и прочих молодежных движений. Ее история оказалась куда короче моей – и гораздо логичнее.

Корабль Сеятелей опустился на Сомат в тот же день, когда я ушел «побродить» по горам. Вначале экипаж связался с Терри и попросил разрешения на посадку. Затем командир корабля изложил цель визита.

Если верить его словам, наше с Терри укрытие было обнаружено больше года назад. Нас не тревожили, справедливо полагая, что мы имеем полное право отшельничать на никому не

нужной планетке. Решено было даже не устанавливать с нами связь и нарушить наше «инкогнито» лишь в случае крайней необходимости.

И она возникла. Планета Тар отказывалась войти в оборонительный союз Земли, мотивируя это тем, что не имеет законных властителей. Правящий на Таре регент осуществлял свою власть от имени «вечной принцессы» Терри. Лишь она могла склонить Тар к союзу с Землей. Тогда-то и отправился на планету Сомат корабль Сеятелей.

Вначале Сеятели предполагали разыскать меня в горах и пригласить на Землю вместе с Терри. Но по ее настоянию отказались от этой мысли. Терри слишком хорошо представляла мою реакцию на появление в небе Сомата чужого корабля.

В доме были оставлены записка с объяснением случившегося и портативный команд-блок к ожидающему на орбите скоростному глассеру. Затем Терри отбыла на Землю, чтобы подготовиться к редкой в истории Тара процедуре: доказательству прав на престол. Со мной она связалась, когда вышли все мыслимые и немыслимые сроки горной прогулки.

Некоторое время я переваривал информацию. Что ж, все могло быть именно так...

– Терри. – Я старался говорить спокойно. – Со мной произошло нечто странное – во время гиперперехода на Землю. Эйфория почти отсутствовала, зато сознание словно раздвоилось. Я разговаривал сам с собой, давал себе дурацкие советы... Ты не слышала про такие случаи?

Терри ласково улыбнулась:

– Сергей, это не стоит внимания. Скорее всего сказались твоё перевозбуждение, усталость.

Я покачал головой:

– Помнишь, я говорил тебе про интуицию? Так вот, считай, что я полагаюсь на нее. В игру вступила третья сила. Не мы, не Сеятели...

– Фанги?

– Фанги. Жаль, что мы уделяли им так мало времени. Засада наверняка их дело. Надо собрать всю информацию.

Терри кивнула на терминал:

– С этим нет проблем, Сергей. Можно запросить любой текст, любое сообщение.

– Нет, не стоит. Ты же знаешь разницу между своими информсводками и тем, что распространялось для населения Тара.

– Тогда надо обратиться к проекту «Сеятели». Он и создавался в противовес угрозе фангов.

– Ты их знаешь?

– Конечно. Ведь их корабль забирал меня с Сомата... – Терри засмеялась и обняла меня. – Перестань ревновать! Сеятели – очень неплохие ребята. Но ты лучше.

– Спасибо... – Я поймал ее губы, поцеловал, первый раз на Земле, и просто сказал: – Я очень боялся за тебя.

– А я – почти нет. – Терри виновато улыбнулась. – Была уверена, что ты выкрутишься из любой переделки... Не стоило мне улетать с Сомата, надо было дожидаться тебя.

– Но ведь требовалась срочность?

– Да. Еще с корабля я послала на Тар указ о своем возвращении. Вчера пришел ответ: регент требует проверки моего происхождения. Стандартная процедура.

Я об этой процедуре не имел никакого понятия. Но спрашивать не стал.

– Сергей, почему ты остановился у этого человека... Нурлана? Ты с ним знаком?

– Откуда? Просто он роддер. Я представился роддером, и меня приняли без вопросов. Очень удобно, когда скрываешься...

Я поморщился, оценив надежность своего укрытия. В компьютеризированном городе скрыться невозможно. Особенно чужаку.

- А меня он примет?
- Зачем? Я думал, мы переберемся... Я замялся, не представляя, где жила Терри эти дни.
- В отель? Сергей, там скучно. Роскошно, как в императорском дворце, и однообразно. Лучше поживем здесь, до завтра.
- Я спрошу у Нурлана, – уклончиво ответил я. – А почему до завтра?
- Послезавтра надо быть на Таре. Сеятели обещали доставить нас на своем корабле с главной станции проекта. Она на околоземной орбите, ее хорошо видно вечерами.
- Ладно. – Мне оставалось только сдаться. – Там и поговорим о фангах.
- Терри придиричиво меня оглядела:
- Сергей, а ты не задумывался о смене гардероба? Всепогодный защитный комбинезон – вещь хорошая, но на Земле...
- Не иронизируй. Задумывался. Схожу в ближайший магазин и возьму там дешевый костюм.
- Почему дешевый? А, ты же без Знака... – Терри вытащила из кармана шорт знакомый золотистый кружок. – Знаешь, что это?
- Знаю, – буркнул я. Терри обставила меня по всем статьям. Пока я выяснял энциклопедическое толкование Знака, она получила его в личное пользование – конечно же от Сеятелей.
- Костюм я тебе подберу сама. По моде... Будешь носить дозар?
- Что?
- Терри коснулась намотанной на руку блестящей полоски.
- Это дозатор загара, дозар. Модное украшение и для мужчин, и для женщин. Создает какое-то пленочное поле, преграждающее доступ ультрафиолету. Можно весь день провести на пляже – и остаться белокожим.
- А зачем тогда ходить на пляж? Я лучше загорю как следует. – В поведении Терри чувствовалось что-то странное. Новое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.